

Н. Н. Ростова

ФИЛОСОФСКАЯ АНАЛИТИКА ИДЕИ ПОСТПРАВДЫ

В статье рассматривается идея постправды с точки зрения философии. Автор ставит себе целью вывести феномен постправды за пределы политического контекста и показать его философско-антропологический смысл. Анализируя понятие постправды, автор указывает на его неоднозначность и показывает его связь с проблемой идеологии. По мнению автора статьи, идея постправды закономерно возникает в эпоху, смысл которой концентрируется в словах «Бог умер». С точки зрения философии понятие постправды стоит в ряду таких идей, как смерть Автора, смерть Субъекта, конец метафизики. Понятие постправды реализует идею современной философии о слабых структурах, которые должны прийти на смену жестким, метафизическим структурам. Автор обращает внимание на то, что постправда — это не ситуация после правды, но ситуация по ту сторону правды, то есть по ту сторону оппозиции «истина-ложь». В статье анализируются вопросы о соотношении истины и философии и истины и человека. Автор рассматривает последний вопрос в христианском, социальном и национальном аспектах и делает акцент на антропологическом аспекте. Если человек — это тот, кто начинается с различий, то истина — это то, что составляет метафизический каркас человека. Истина позволяет человеку внести ориентир в хаос собственных состояний. Мир постправды — это мир вне человека. В заключение автор приводит размышления о судьбе христианской истины в современном мире.

Ключевые слова: постправда, истина, ложь, «Бог умер», человек, сознание, идеология, слабые структуры, философская антропология, философия гостеприимства, плюрализм.

Не так давно словарь современного человека обогатился новым словом «постправда». Употребление этого слова фиксируется еще в конце XX в., однако особенно популярным оно становится в 2016 г., после известных событий избрания американского президента и выхода Британии из Евросоюза. Не готовая к подобным политическим переменам общественность, и прежде всего политологи, стали квалифицировать наступившую эпоху как эпоху постправды. Что в данном случае подразумевается под постправдой?

Понятие постправды в политическом контексте, равно как и родственное ему понятие «политики постправды», имеют достаточно размытое значение. Оксфордский словарь английского языка, составители которого объявили слово «постправда» словом 2016 года, дает следующее определение:

«Постправда — обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям».

При оперировании словом «постправда» делаются различные акценты. В одном случае, как в приведенном определении, говорится о доминировании эмоций над фактами. В другом случае — о стирании границ между правдой и вымыслом и о состоянии самообмана в сартровском понимании этого феномена, когда человек и целое общество живут в самообмане, одновременно нечто зная и скрывая это от себя. В третьем случае речь идет о проблеме дезинформации. В четвертом — о цифровой

Наталья Николаевна Ростова — доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (nnrostova@yandex.ru).

эпохе, задающей нечеловеческую скорость чередования событий, в которой невозможно успеть отличить истину от лжи. В пятом — об «информационных пузырях», в которых каждый из нас находится наподобие узника камеры виртуального заключения.

Разумеется, сила власти «эмоций и убеждений» открыта не сегодня. И пост-правда здесь ни при чем. Речь идет об идеологии. Постправда — это новое название для идеологической правды. То есть той правды, которая позволяет выстраивать единую для всех оптику и понимать мир. И в этом смысле справедливо замечание С. Фуллера о том, что то, что мы называем сегодня постправдой, можно увидеть уже в диалоге Платона «Государство», который лежит у истоков политической философии Запада. Для Платона, говорит Фуллер, определяющим является различие между меньшинством и большинством, между философами и обычными людьми, теми, кто знает, и теми, кому знать не нужно, или, как выражается Фуллер, между теми, кто определяет различие истины и лжи, и теми, кто лишь принимает его [Fuller]. Такой «режим» постправды работает, ибо распределение знаний обеспечивает стабильность в обществе.

В приведенном списке определений постправды очевиден смысловой раскол. Одно дело, если мы признаем некую объективную оппозицию истины и лжи. Другое дело — если мы говорим о проблеме идеологии. Приверженцы первого подхода иницируют практики и тренинги по защите от дезинформации и тайм-менеджменту, пишут книги и пособия по критическому мышлению и анализу шквала сведений [Левитин, 2018]. Видится, что более серьезной проблемой в таком случае оказывается не потребность распознавать манипулятора и правильно оценивать «входящие новости», а наступление времени тотального дилетантизма. Мнимая открытость информации порождает ситуацию, в которой каждый рискует оказаться (осознанно или нет) в роли персонажа телепередачи «Ленин — гриб».

Проблему постправды не стоит редуцировать к политической сфере и видеть в ней лишь способ одной политической прослойки дискредитировать другую политическую прослойку, то есть контридеологию. И дело не только в том, что в контексте проблемы постправды и так называемых информационных коконов возникает вопрос о соотношении реального и воображаемого, истории и мифа, антропологического и виртуального. Слово «постправда» органично и закономерно возникает в эпоху, смысл которой концентрируется в словах «Бог умер».

Философия постправды

В философии нет специальной фундаментальной работы, посвященной проблеме постправды. И это неудивительно. Ведь доминирующая тенденция в философии XX–XXI вв. направлена на то, чтобы преодолеть Истину. Вместе с решающим тезисом Ницше о смерти Бога в философии возникают идеи смерти Автора, смерти человека и смерти Субъекта, конца метанарративов, философии, метафизики, истории, искусства, религии, науки, музыки и слова. Наступает время «слабых структур», преодолевающих жесткие метафизические структуры и, как следствие, идеологические. Бог умер. Истины нет. Есть ситуативность и плюрализм мнений, оценок и ценностей, остальное квалифицируется как фашизм и микрофашизм на уровне повседневности, с которыми призвана сражаться философия. Как говорит М. Онфре, фашизм в касках и сапогах исчез, но после Фуко и Делеза стало понятно — власть повсюду, на микроуровне она пронизывают нашу жизнь, и противопоставить ей можно лишь просвещенное сознание [Онфре].

«Слабые структуры» — это структуры, исключаящие возможность появления абсолютной точки зрения и истины. Как говорит один из апологетов подобной философии и теологии Джон Капуто, нет такой вещи, как неискаженная перспектива, а потому необходимо позволить цвести всем цветам [Капуто, 2011, 202]. На смену метафизике должна прийти постметафизика, на смену представлению об истине

и связанном иерархизированном порядке реальности — принцип плюрализма, на смену Смыслу — интерпретация. В рамках такой логики процветает философия гостеприимства, начиная с Деррида и заканчивая Ваттимо. Суть этой философии сводится к тому, чтобы помянуть знаки между хозяином и гостем, между принимающим и принимаемым. Не хозяин принимает гостя, но гость принимает хозяина. Как говорит Ваттимо, первый случай тождествен тому, что Деррида называл относительным гостеприимством, второй — тому, что он называл абсолютным гостеприимством. Современный мир должен практиковать абсолютное гостеприимство, то есть ситуацию, в которой хозяин отдает «самого себя на произвол гостя», оставляя за ним право последнего слова [Ваттимо, 2007, 115]. Абсолютное гостеприимство означает упразднение субъектности хозяина и автономности установленного им закона. «Гость, — говорит Деррида, — становится хозяином хозяина» [Derrida, 2000, 123]. Другими словами, исключается сама возможность появления закона, традиции, правила, то есть того, что предполагает категорию истины. Абсолютное гостеприимство — это режим, в котором правит гость, то есть случай. Все случайно и ситуативно, все недостоверно, ибо нет того, что может удостоверить.

В прессе встречаются отдельные статьи, с одной стороны, обвиняющие постмодернистскую философию в том, что она является причиной наступления эпохи постправды, с другой стороны — тексты, реабилитирующие современную философию и пытающиеся ее радикально размежевать с феноменом постправды. Например, можно встретить попытки переосмысления философии Рорти, в свете которых релятивизм и плюрализм мнений, поддерживаемый Рорти, признается благим для общества, а собственно постправда отождествляется с новой утопией, «сильной рукой» и новым тоталитаризмом [Sandoiu]. Вслед за Ницше Рорти прощается с линией «Платона-Канта» и предположением об абсолютной истине. Истина случайна. Есть лишь истины. Всякая правда уязвима для критики. Все может быть пересмотрено, и не нужно этого бояться. Ницше побудил нас не искать, но создавать. Истина — источник репрессий. Она делит общество на «нас» и «их», на владеющих истиной и далеких от нее, на просвещенных и заблуждающихся, на высших и низших, своих и чужих. Согласно подобной логике, истина виновна в дискриминации, жестокости, войнах и авторитарных режимах. Истину нужно заменить на плюрализм истин. Это, согласно Рорти, обеспечит диалог между людьми. Сколько людей, столько и истин. Фрагментарность истин побудит людей к разговору, который понимается в данном случае как суть общества. Истина обращает нас к миру, а истины — друг к другу. Оставляя поиск истины, мы наконец находим друг друга. Таким образом, с одной стороны оказываются релятивизм и либеральные ценности толерантности, непрестанного разговора и солидарности, а с другой — тождество правды и постправды. Постправда при таком прочтении парадоксальным образом оказывается новой вербальной оболочкой правды.

Тема постправды ставит кардинальный вопрос о соотношении философии и истины, которое невозможно свести лишь к двум вариантам — поиск и признание абсолютной истины и утверждение плюралистичности истин.

Философия и истина

Ницше называл истину практически оправданным заблуждением. Кожев, комментируя Гегеля, утверждал достоинство человека в том, что он обладает привилегией делать свои заблуждения истиной, заставляя с ними соотносываться мир. После Делеза и Гваттари философия начинает пониматься как творчество концептов. Концепты, как говорит Делез, не существуют в готовом виде где-то там на небесах, они не ждут философа, который придет и сорвет их. Концепты, говорит Делез, нужно создавать [Делез]. Бадью предлагает защищать категорию истины, вступая в спор с недавними и современными софистами — с Ницше, Витгенштейном, Ваттимо и Рорти [Бадью].

Но дело не просто в том, что в философии доминирует тенденция исключения категории истины. Вопрос о соотношении философии и истины не решен, в первую очередь, для философии, которая выстраивается на идее истины. В русской философии по этому поводу известна переписка Мейера и Лосева [Лосев, Мейер, 2000]. Если Гераклит наврал на Пифагора, Ксенофонт искажил Сократа, Аристотель оклеветал Платона, а Кант ничего не понял в последнем, то что вообще, говорит Лосев, философия есть такое? Что означает вседозволенность в философии, ее «распутство», ее готовность принимать вид любых теорий? Означает ли она множественность истин и индифферентность философии к истине? Или, быть может, все философские теории стоит ранжировать в зависимости от их близости к некоей абсолютной истине? Или же стоит примирить историческое разнообразие идей и представление об истине, признав пантеизм? То есть обожествив историю, наподобие того, как пантеисты обожествляют мир? Тогда, говорит Лосев, все, что есть в истории, можно будет признать законным и равноправным. Мейер полагает, что судьбу философии решил ее уход из храма. Именно в этот момент она становится на путь распутства. У философии, полагает Мейер, мистериальный исток. Она есть отклик на призыв, идущий от Бога. Хаос мнений — это результат ошибки, слабого слуха. Судьба подлинной философии — возвращение к «служению Славе».

То, что находится по ту сторону наших исканий, — предмет особого знания, веры, откровения, но сам этот вертикальный путь, снизу вверх, к истине антропологически необходим.

Человек и истина

Человек есть ложь. Бог есть Истина. Об этом нам говорит Псалмопевец (Пс 115:2; Пс 85:15; Пс 50:6). Ему вторит апостол Павел (Рим 3:4). Если Христос — это Путь и Истина, то дьявол — отец лжи (Ин 8:44). Христианство оставляет падшему миру ложь, а правду отправляет на небо. Человек есть ложь не потому, что лжет, хотя он постоянно лжет, но потому что отстоит от Бога. Он есть ложь не вербальная, а метафизическая. Образно о мире грешном рассказывает «Голубиная книга» Древней Руси. Правда и Кривда в виде двух зайцев, белого и серого, ведут спор. Правда на небо уходит, Кривда остается на земле. Со всей непосредственностью эту мысль передает нам Гоголь, встретившийся со своим внутренним человеком. Великая истина, говорит он, состоит в том, что весь человек есть ложь и ключ к человеку — Христос.

«Прежде чем приходиться в смущенье от окружающих беспорядков, — пишет Гоголь, — недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог вещь, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других; может быть, там обитает растрепанный, неопрятный гнев... может быть, там поселилась малодушная способность падать на всяком шагу в уныние — жалкая дочь безверья в Бога; может быть, там еще таится тщеславное желанье гоняться за тем, что блещит и пользуется известностью светской; может быть, там обитает гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить в ничто все добро, какое имеем. Бог вещь, что может быть в душе нашей» [Гоголь, 2006, 137].

А раз правда у Бога, то и суд должен быть иным. Не человеческой мерой мерить должен он, а Божественной. И тогда взгляд со стороны Бога откроет, что нет правого и виновного, но оба виновны. «Правосудие, — пишет Гоголь, — у нас могло бы исполняться лучше, нежели во всех других государствах, потому что из всех народов только в одном русском заронилась эта верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог» [Гоголь, 2006, 135].

В этом христианском смысле мир человеческий можно назвать миром постправды, миром после правды. Русское понятие правды, отличное от понятия истины, здесь как нельзя лучше передает смысл этого «бытия после». Слово «правда» в русском языке сопряжено с понятием справедливости, последней правоты, нравственной ценности. Вот этот мир правды и есть у Бога, а потому Достоевский предпочитает

Христа, а не истину. В фантазмагории «Бобок» Достоевский передает разговор мертвецов: «На земле жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы; ну а здесь мы для смеху будем не лгать. Черт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться» [Достоевский]. Жить социально — значит лгать. Лгать — значит стыдиться. И лишь по ту сторону жизни, в загробном мире мертвецов можно «обнажиться». Достоевский здесь говорит о лжи социума и лжи человеческой, о том, как социум скрывает ложь человека. В своем дневнике он называет вранье особой чертой русского человека. «Деликатная взаимность вранья, — пишет он, — есть почти первое условие русского общества» [Достоевский, 2007, 230]. Все прочие народы лгут из расчета, а русский человек — по особой склонности. Почему русский лжет? Потому что, говорит Достоевский, истина для нас скучна, и мы гоняемся за своими фантастическими выдумками. Но главное потому, что мы стыдимся себя. В русском живет «потребность устыдиться всего, что есть в самом деле, спрятать и прибрать свое, данное Богом русскому человеку лицо и явиться другим, как можно более чужим и нерусским лицом. Все это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, одним словом, не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее» [Достоевский, 2007, 231]. Здесь Достоевский говорит уже не о социуме и его изнанке, но о душе русского народа и ее надрыве. Этот стыд самого себя Достоевский называет самоотрицанием, «дрянным стыдишкой» русского человека, выкованным в последние «двести лет». Русский человек утратил свою правду, свое лицо, свое достоинство и почитает лишь чужое. И в этом смысле действительность национального самоотрицания русского человека мы можем назвать миром постправды.

Человек ищет своей подлинности. От греха он идет к праведности. От социальной лжи — ко встрече с собой. От национальной стыдливости — к своему лицу и достоинству. Но о правде стоит говорить не только в смысле самоотречения в теологическом, экзистенциальном и национальном контекстах, предполагающих бинарную структуру «правда-ложь». Правда, или, что то же самое здесь, истина, есть условие человека. Антропологически истина конститутивна для человека. Она есть то, что не может не быть. Она составляет метафизический каркас человека. Только посредством истины изначальный хаос субъективности претворяется в плодovitую стихию сознания и человек делается субъектом своих состояний. Истина — это абсолютный ориентир в сфере относительного и ситуативного. Она, подобно меже, отделяет одно от другого, позволяя появиться различию. Она дифференцирует состояния субъективности, внося в них иерархию и лад. Истина — источник внутреннего порядка, то, при помощи чего человек овладевает собственной свободой. Когда сегодня говорится о постправде, то речь идет не об отклонении от некоей истины, не об искажении ее, но о преодолении самой антитезы «правда-ложь». Постправда — это не ситуация после правды, но ситуация по ту сторону правды. Термин «постправда» стоит в ряду третьих терминов, преодолевающих всякий возможный дуализм, а следовательно, в такой логике и возможность репрессий, фашизм. Он зиждется на радикальном устранении различий, то есть того, с чего начинается человек.

Истина конститутивна для со-бытия, или социума. Она есть то абсолютное единое пространство понимания, в котором «он» является «ты», а язык не скрывает наши смыслы, но служит тем, что обнаруживает наше взаимопонимание. Вопреки Рорти, опасность дискриминации и жестокости, которая, по его мнению, должна лечь в основу нашей солидарности, не есть нечто данное. Она является достижением, результатом всеобщего усилия и ограничения. И как результат усилия, как некое единое для всех она в конечном счете способна послужить порицаемому Рорти тоталитаризму.

Истина — это метафизическая скрепа человека. Без нее субъективность начинает рассеиваться. Стихия человека обращается в первоначальный хаос. Сознание исчезает. Мир после правды — это мир после человека. Самая мощная истина — религиозная, ибо наделена статусом абсолюта. В мире, в котором исчезает Бог, исчезает и человек.

Бог умер?

О том, что «Бог умер», слышат все. Однако не до всех доходит голос тех, кто утверждает обратное. Бог умер, заявляет автор 800-страничного труда «Эпоха пустоты» Питер Уотсон [Уотсон, 2017]. Книга, написанная в 2014 году и переведенная на русский язык в 2017 году, названа издателем бестселлером, а ее автор — выдающимся английским интеллектуалом. Уотсон в лучших традициях европейской философии напоминает нам о том, что Бог умер и это не повод для расстройств. Моя книга, заявляет он, для тех, кто ищет способ жить без Бога. Не для таких, как Достоевский, который тоскует о Боге. А для тех, кто радостно примет Его отсутствие. Теоретический посыл книги ограничивается несколько противоречащими тезисами о том, что, во-первых, религия есть социальный феномен, она процветает там, где существуют проблемы бедности и безопасности, и исчезает там, где эти проблемы решаются. И, во-вторых, человеку в секулярном мире, как и прежде, «чего-то» не хватает — чувства целого, ощущения высшего, смысла. Другими словами, неясно, «чего» же не хватает человеку — хлеба или трансцендентного? Признав социальный источник религии, Уотсон все же полагает, что человеку нужен смысл, который обязательно искать в религии. Автора интересуют те известные персоналии, которые идут в обход Бога. Содержание книги претендует на энциклопедию европейской и русской культуры XIX–XXI вв. От философии до искусства, от политики до психологии. От Ницше, Гуссерля и Деннета до Готфрида Бенна, Франца Кафки и Казимира Малевича, от Ленина и Гитлера до Хорни и Альтицера. В качестве синонимичного названия книги Уотсон предлагает заглавие «Эпоха всего». Это название адекватно передает содержание фолианта — после смерти Бога Его место, по мнению автора, занимают эстетические переживания, танец, красота, ирония, бродяжничество, поклонение похоти, игра, драматургия, живопись, поэзия, беллетристика, философские и психологические концепции, исключаящие трансцендентное.

Наряду с подобными бестселлерами в Европе стала заметна нарочито консервативная тенденция. Речь идет, например, о таких явлениях, как французская музыкальная группа Les Brigandes, солисты которой прямо заявляют о том, что целью их творчества является борьба с антихристом. В интервью они говорят буквально следующее: «У нас понятный враг — это антихрист. <...> Мы полагаем, что всё, что мешает возвыситься духом к Богу, представляет силы антихриста. Это — материализм, атеизм, индивидуализм, глобализация, делающая людей одинаковыми рабами, унификация религий» [Платонова]. Мысля себя «армией Христа», группа борется с антихристом, исполняя песни в стиле французского шансона, приятными голосами озвучивая предельно ясные идейно-политические лозунги антиглобалистского характера. Однако прошлой осенью произошло еще более любопытное событие, которое средства массовой информации постарались сделать незамеченным. Речь идет о Парижской декларации под названием «Европа, в которую мы верим» (The Paris Statement, 2017). Эта декларация составлена и подписана тринадцатью европейскими философами из Франции, Германии, Голландии, Норвегии, Англии, Бельгии, Польши, Испании, Чехии, Венгрии и представлена на семнадцати языках.

Декларация строится на противопоставлении «ложной» и «истинной» Европы. Современная Европа ложно понимает себя. Спасти ее может лишь истинное самопонимание. Ложное самопонимание, согласно авторам декларации, заключается в слепой вере в прогресс, в выстраивании постнационального и посткультурного мира, «в универсализме, провоцирующем беспамятство и самоотречение», в отрицании христианских корней европейской культуры, в подмене понятия «свобода» освобождением от всех ограничений и наряду с этим в подавлении всякого инакомыслия в трудовой сфере, в образовании, в СМИ, в политике. Как говорится в декларации, «политкорректность накладывает жесткие табу, из-за которых бросить вызов существующему положению вещей становится нереальным. <...> Нас контролируют и нами управляют». «Подлинная» Европа — это та Европа, которая понимает себя

как сообщество национальных государств, обладающих суверенитетом, собственными языками, традициями и границами. «Истинная Европа» понимает, что источником культурного единства европейских государств вне политического принуждения было и должно оставаться христианство и его Церковь. Именно христианство является родиной европейских добродетелей: справедливости, сострадания, милосердия, прощения, миротворчества, благотворительности, самопожертвования, любви. «Истинная» Европа должна возродить нравственную культуру. Декларация ясно и недвусмысленно отстаивает фундаментальность различий — культурных, традиционных, политических, религиозных, национальных, половых и проч. Наиболее же примечательно то, что в основе всех различий ее авторы полагают конкретную Истину христианства. Христианство должно занять свое исконное место, высвободив его от «эрзац-религии» универсализма. Остается только надеяться, что современные русские философы, учитывая актуальные проблемы России, сподобятся на подобное высказывание.

Источники и литература

Источники

1. The Paris Statement (2017) — The Paris Statement «A Europe we can believe in», 7 October 2017. URL: <https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in/> (дата обращения: 29.01.2018).

Литература

2. Бадью — *Бадью А.* Манифест философии. URL: https://royallib.com/book/badyu_alen/manifest_filosofii.html (дата обращения: 03.11.2018).

3. Ваттимо (2007) — *Ваттимо Дж.* После христианства. М.: Три квадрата, 2007. 160 с.

4. Гоголь (2006) — *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н. В.* Размышления о Божественной Литургии. М.: Эксмо, 2006. С. 13–260.

5. Делез — *Делез Ж.* Что такое акт творения? URL: <https://monocler.ru/zhil-delyoz-chto-takoe-akt-tvoreniya/> (дата обращения: 29.01.2018).

6. Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Бобок. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0320.shtml (дата обращения: 29.01.2018).

7. Достоевский (2007) — *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // *Достоевский Ф. М.* Post Scriptum. М.: Эксмо, 2007. С. 169–776.

8. Капуто (2011) — *Капуто Дж.* Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3. С. 186–205.

9. Левитин (2018) — *Левитин Д.* Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.

10. Онфре — *Онфре М.* Несчастья (и величие) философии. URL: http://sceptsis.net/library/id_1429.html#a1 (дата обращения: 29.01.2018).

11. Лосев, Мейер (2000) — Переписка А. Ф. Лосева и А. А. Мейера // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 87–100.

12. Платонова — *Платонова Д.* Les Brigandes: Консервативная революция во французской культуре. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/les-brigandes-konservativnaya-revoluciya-vo-francuzskoj-kulture> (дата обращения: 29.01.2018).

13. Уотсон (2017) — *Уотсон П.* Эпоха пустоты. Как люди начали жить без Бога, чем заменили религию и что из всего этого вышло. М.: Эксмо, 2017. 784 с.

14. Derrida (2000) — *Derrida J.* Of hospitality. Stanford: Stanford University Press, 2000. 160 p.

15. Fuller — *Fuller S.* Post-truth. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M4Rwca7k_Fs (дата обращения: 29.01.2018).

16. Sandoiu — *Sandoiu A.* Richard Rorty and the Origins of Post-Truth. URL: <https://partiallyexaminedlife.com/2016/12/30/richard-rorty-and-the-origins-of-post-truth/> (дата обращения: 29.01.2018).

Natalia Rostova. Philosophical Analytics of Idea of the Post-Truth.

Abstract: In article the idea of the post-truth is considered from the point of view of philosophy. The author sets as an object to remove a post-truth phenomenon out of limits of a political context and to show its philosophical and anthropological sense. Analyzing concept of the post-truth, the author points to its ambiguity and shows his communication with an ideology problem. According to the author, the idea of the post-truth naturally arises during an era which sense concentrates in the words «God Died». From the point of view of philosophy, the concept of the post-truth costs among such ideas as death of the Author, death of the Subject, the end of metaphysics. The concept of the post-truth realizes idea of modern philosophy about weak structures which have to succeed rigid, metaphysical structures. The author pays attention that the post-truth is not a situation after the truth, but a situation on that party of the truth, that is on that party of opposition «truth-lie». In article the questions of a ratio of truth and philosophy and truth and the person are analyzed. The author considers the last question in Christian, social and national aspects and places emphasis on anthropological aspect. If the person is the one who begins with distinctions, the truth is that makes a metaphysical framework of the person. The truth allows the person to bring a reference point in chaos of own states. The world of the post-truth is the world out of the person. In the conclusion the author gives reflections about destiny of Christian truth in the modern world.

Keywords: the post-truth, truth, lie, «God died», the person, consciousness, ideology, weak structures, philosophical anthropology, hospitality philosophy, pluralism.

Natalia Nikolaevna Rostova — Doctor of Philosophy, senior teacher of department of philosophical anthropology, philosophical faculty of Lomonosov Moscow State University (nnrostova@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. The Paris Statement (2017) — The Paris Statement «A Europe we can believe in», 7 October 2017. Available at: <https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in/> (accessed: 29.01.2018).

References

2. Bad'yu — Badyu A. *Manifest filosofii* [*Manifesto of philosophy*]. Available at: https://royallib.com/book/badyu_alen/manifest_filosofii.html (accessed: 03.11.2018). (Russian translation).

3. Gogol' (2006) — Gogol' N. V. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'yami [*The chosen places from correspondence with friends*]. Gogol' N. V. *Razmyshleniya o Bozhestvennoj Liturgii* [*Reflections about the Divine Liturgy*]. Moscow: Eksmo, 2006. p. 13–260. (In Russian).

4. Delez — Deleuze G. *Chto takoe akt tvoreniya?* [*What is the act of creation?*]. Available at: <https://monocler.ru/zhil-delyoz-chto-takoe-akt-tvoreniya/> (accessed: 29.01.2018). (Russian translation).

5. Derrida (2000) — Derrida J. *Of hospitality*. Stanford: Stanford University Press, 2000, 160 p.

6. Dostoyevskiy — Dostoyevsky F. M. *Bobok*. Available at: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0320.shtml (accessed: 29.01.2018). (In Russian).

7. Dostoyevskiy (2007) — Dostoyevsky F. M. *Dnevnik pisatelya* [*Diary of the writer*]. Dostoyevskiy F. M. *Post Scriptum*. Moscow: Eksmo, 2007, pp. 169–776. (In Russian).

8. Fuller — Fuller S. *Post-truth*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=M4Rwca7k_Fs (accessed: 29.01.2018).

9. Kaputo (2011) — Caputo J. *Kak sekulyarnyy mir stal postsekulyarnym* [*How Secular World Became Post-Secular*]. *Logos*, 2011, no. 3, pp. 186–205. (Russian translation).

10. Levitin (2018) — Levitin D. *Putevoditel' po lzhi. Kriticheskoe myshlenie v ehpoihu postpravdy* [*Guide to lie. Critical thinking during a post-truth era*]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 272 p. (In Russian).
11. Losev, Meyyer (2000) — Perepiska A. F. Loseva i A. A. Meyyera [A. F. Losev and A. A. Meyer's correspondence]. *Voprosy filosofii*, 2000, no. 3, pp. 87–100. (In Russian).
12. Onfre — Onfray M. *Neschast'ya (i velichie) filosofii* [*Misfortunes (and greatness) philosophies*]. Available at: http://sceptis.net/library/id_1429.html#a1 (accessed: 29.01.2018). (Russian translation).
13. Platonova — Platonova D. *Les Brigandes: Konservativnaya revolyutsiya vo frantsuzskoy kul'ture* [*Les Brigandes: Conservative revolution in the French culture*]. Available at: <https://www.geopolitica.ru/article/les-brigandes-konservativnaya-revolyuciya-vo-francuzskoy-kulture> (accessed: 29.01.2018). (In Russian).
14. Sandoiu — Sandoiu A. *Richard Rorty and the Origins of Post-Truth*. Available at: <https://partiallyexaminedlife.com/2016/12/30/richard-rorty-and-the-origins-of-post-truth/> (accessed: 29.01.2018).
15. Uotson (2017) — Watson P. *Epoha pustoty. Kak lyudi nachali zhit' bez Boga, chem zamenili religiyu i chto iz vsego ehtogo vyshlo* [*Emptiness era. As people started living without God, than replaced religion and that left all this*]. Moscow: Eksmo, 2017. 784 p. (Russian translation).
16. Vattimo (2007) — Vattimo G. *Posle hristianstva* [*After Christianity*]. Moscow: Tri kvadrata, 2007. 160 p. (Russian translation).